

МАКСИМ
ГОРШКОВ

АЛХИМИЯ ФЭТ- ФРУМОСА ТРИЖДЫ ВЕЛИКОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Maxim Gorshkov

**Алхимия Фэт-Фрумоса
Триждывеликого**

«Автор»

2026

Gorshkov M.

Алхимия Фэт-Фрумоса Триждывеликого / M. Gorshkov —
«Автор», 2026

«Алхимия Фэт-Фрумоса Триждывеликого» — мрачный философский роман о парадигмах, которые не выдерживают критики, но продолжают работать на практике. Арсений рос, движимый желанием контролировать саму жизнь. Смерть для него — техническая проблема, и его цель проста: вообще не умирать. Вокруг него строительные площадки, университеты, оккультные руководства порождают нестабильные формы знания, которые размывают грань между наукой и суеверием. Спустя годы в истории появляется Василий. Он свободен, ироничен, ни к чему и ни к кому не привязан. Он живет как живется. Добродушный гедонист, он плывет по жизни с игривым любопытством к смерти. В центре этого мира — книга под названием «Alchimia Făt-Frumosului Trismegistus» — текст, приписываемый прорабу Иону и преподавателю Мирче, которые превращают телесные функции, строительные метафоры и фрагменты герметической философии в странную метафизику. Водовороты становятся духами, влияние — химией.

© Gorshkov M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Maxim Gorshkov

Алхимия Фэт-Фрумаса Триждывеликого

Глава

Максим Горшков
Алхимия Фэт-Фрумаса Триждывеликого
Роман
2023
18+

Часть 1. «Арсений»

1.

Арсений и его сосед Митя сидели на бревне в зарослях кустарника.

Митя раздвигал пальцами шерсть черной собаки по имени Лайфа.

— Вот тут, — сказал Арсений. В проборе была видна бежево-серая кожа. — Смотри, блоха. Вот еще и еще. У нее много блох, и они ее заразили.

— Чем? — поинтересовался сосед.

— Не знаю, чем, но заразили, потому что блохи — это переносчики болезней.

Собака почесала бок задней левой ногой и приоткрыла рот.

— Да, она страдает. Это видно по морде. Что будем делать?

— Убьем, — утвердительно произнес Арсений.

Митя продолжал раздвигать шерсть собаки. Лайфа коротко дернула ухом и легла.

— Тогда завтра я принесу яд, — сообщил он, и Арсений поощрительно кивнул.

Они познакомились год назад. Арсений часто встречал на улице одиноко гуляющего, плохо причесанного мальчика, и однажды завел с ним разговор. Его звали Митей, ему тоже было одиннадцать, и он жил через два дома от него.

Сосед испытал к Арсению привязанность, и тот начал это использовать: посылал его в магазин, просил что-то разузнать или принести из дома еды. Если же Митя просил Арсения помочь, тот отвечал, что ничего не должен ему, потому что они не друзья, а просто соседи.

Вечером Арсений смотрел телевизор. Передавали концерт эстрадной музыки. Светловолосая женщина пела о любви.

Арсений вспомнил о том, что рано или поздно он умрет.

Оставшись один, он часто вспоминал о самом страшном — о смерти, появлялись тоска и отчаяние. Он страдал, иногда плакал, а потом забывал об этом до следующего раза.

Мать рассказывала ему о загробном мире, о том, что он может быть сносным и даже увлекательным, но это его не успокаивало.

Показали зал. Восхищенные люди улыбались, радовались.

— Ты умрешь, — сказал он певице, — и вы все умрете, — обратился он к зрительному залу. — Как вы можете радоваться, если всех вас ждет смерть?

Он немного посидел, глядя сквозь слезы в пустоту, а потом подошел к шкафу, где стояли материны книги по магии и оккультизму.

Мать колдовала. Она читала заговоры, когда Арсений болел, а перед экзаменами насыпала ему в карман заговоренную соль.

К матери приходили подруги. Они закрывались на кухне, гадали на кофейной гуще, картах и делали привороты. Арсений тихо подходил к кухонной двери и слушал.

— Вот слюна. Он плюнул на улице, а я незаметно собрала ее в платок, вот он, — произносила подруга с тревогой и ожиданием.

— Вообще, лучше кровь, но слюна тоже подойдет, — отвечала мать.

За дверью слышались непонятная возня и заклинания на неизвестных языках.

Если подруги жаловались на отсутствие результата, мать объясняла им, что магия сейчас работает плохо, потому что в нее никто не верит.

К матери приходили мужчины и запирались с нею в спальне. Арсений слышал неразборчивые разговоры, скрип кровати и стоны. Через время взрослые выходили уставшими и довольными.

Они говорили, что двигали кровать.

Арсений вспоминал фразу деда Германа «труд освобождает» и полагал, что усталое удовольствие на их лицах — это и есть свобода.

Потом старшие товарищи разъяснили, что на самом деле происходит в запертой комнате. Они показывали ему порножурналы, и он представлял мать — худую, сутулую, с дряблым животом, с длинным птичьим носом, стонущую, красную, одуревшую. Становилось гадко и стыдно.

Арсений взял с полки сборник средневековых магических текстов — толстую книгу в синем матерчатом переплете — и открыл раздел о способах продления жизни.

— Один из способов таков, — прошептал Арсений, — возьми яд, произнеси над ним заклинание и дай жертве. Пока она будет умирать, часть ее жизни перейдет к тебе.

Далее шло заклинание на латыни.

Арсений давно хотел проделать это с Лайфой, но считал, что без причины убивать нельзя. Теперь причина нашлась: собака безнадежно больна и мучается. У него появилось чувство миссии и надежда на продление своей жизни.

Лайфа — молодая собака. Ей, наверное, осталось лет десять, но один год человека идет за пять собачьих. Получается — два человеческих года, из которых ему достанется только часть. Это немного, но с чего-то нужно начинать.

По квартире распространился сытный мясной запах.

Арсений зашел на кухню. Мать готовила суп с говядиной. Она наклонилась над кастрюлей, помешивая мясное варево, и, казалось, вот-вот окунет туда свой большой нос.

«Иногда убийство полезно, — подумал Арсений. — Кто-то убил корову, которую мы будем есть, а я убью собаку, чтобы избавить ее от страданий и убереечь других животных и людей».

На следующий день они снова встретились в зарослях кустарника. Лайфа гуляла неподалеку. Сосед вытащил из кармана черный пузырек.

— Яд, — важно пояснил он.

— Какой?

— От тараканов, но я думаю, подойдет.

— Надо много, она значительно больше таракана, — засомневался Арсений и взял пузырек.

— Моя мать врач, она может убить ее правильно, — предложил Митя.

— Матери ни слова! — велел Арсений и расстроился его глупости.

— Лайфа, Лайфа, — подозвал он, и собака, которая мочилась в кустах, подошла.

Арсений отвинтил крышку, понюхал и сморщился — в нос ударил неприятный запах.

— Наверно, мощный яд, — гордо произнес Митя.

— Не все, что воняет, яд, — возразил Арсений.

— Интересно, говно — это яд? — сосед, задумчиво посмотрел в небо.

Арсений тоже посмотрел вверх и увидел большое облако, похожее на коровью голову.

Он ушел с пузырьком за кусты, несколько раз произнес над ним заклинание из материнской книги и вернулся.

— Открывай ей рот!

Митя схватил собаку у основания нижней челюсти, и она нехотя открыла рот. Арсений вылил туда содержимое пузырька. Лайфа мотнула мордой, чихнула, отбежала за куст и легла на бок.

Через минуту она закрыла глаза.

— Умерла, пошли отсюда, — процедил Арсений.

До самого вечера у него было очень хорошее настроение, потому что его жизнь, судя по всему, стала длиннее.

На следующий день, возвращаясь из школы, Арсений встретил Лайфу и расстроился. Он захотел ее ударить, но вокруг были люди. Он пнул камень и поцарапал ботинок, его новый кожаный ботинок. Захотелось плакать.

— Мерзкий камень, мерзкая Лайфа, мерзкий Митя со своим ядом от тараканов, — бубнил он, ускоряя шаг.

Придя домой, он сразу сел за математику.

Вошла мать.

— Зачем вы травили собаку? Митя рассказал своей матери, а она мне. Как вам не стыдно?

Мать строго посмотрела на него поверх очков.

— Я хочу тебя серьезно предупредить — если ты кого-то убиваешь, то забираешь себе его часть и немного становишься им. Ты хочешь стать немного собакой?

Арсений не понимал, что такое стать немного собакой, но это звучало неприятно, и его огорчение от неудачи уменьшилось.

— Почему ты такой жестокий, в кого? — запричитала мать сухо и как-то безжизненно. — Дед хороший человек, бабка тоже, родители отца хорошие люди.

— И отец не такой, — продолжила мать, потом обняла его сзади, тяжело задышала и начала всхлипывать и причитать, что сын растет без отца и поэтому такой проблемный.

Она вышла, и Арсений продолжил занятие математикой.

Из всех родственников, перечисленных матерью, Арсений знал только ее отца — деда Германа, который работал преподавателем в техническом вузе.

Другой дед и обе бабки давно умерли, а своего отца он не помнил.

Мать познакомилась с ним в институте холодильного оборудования, где оба учились. Он считался очень красивым, а она — нет, поэтому многие думали, что их брак — результат притворства.

После свадьбы зачался Арсений. Отец вдруг решил, что одному жить лучше, развелся и уехал к себе на родину — в Калининград. Дед Герман, который расстроился по этому поводу, шутил, что его дочь плохая колдунья.

После случая с собакой Арсений пересмотрел свои планы по продлению жизни — он решил убить соседа Митю.

Он пригласит его домой, когда мать надолго уедет. Его нужно предупредить, чтобы никому не говорил, куда идет. Митя спросит — зачем такая секретность, и Арсений ответит, что хочет посвятить его в страшную тайну.

Смерть на самом деле была для него страшной тайной, о которой он не хотел знать. Пусть лучше ее узнают другие, а он за их счет сделает это как можно позже.

Митя, как ни странно, относился к смерти равнодушно.

— Ну, умру и умру. И что с того? — говорил он.

Это удивляло и одновременно решало этическую проблему — если сосед не боится смерти, то его убийство не будет плохим поступком.

Он угостит его отравленным заговоренным супом. Сосед любит суп с фрикадельками. Нужно попросить мать приготовить такой суп перед отъездом. Митя будет его есть и спросит о страшной тайне. — Скоро, — загадочно скажет Арсений. Примерно через час лицо соседа станет бледным, губы посинеют, а в глазах появится страх. Он упадет под стол и перестанет двигаться.

Ночью Арсений вынесет тело в мешке и спрячет подальше от дома.

2.

В начале восьмого года обучения в класс к Арсению перешел ученик по имени Иннокентий, который невзлюбил его из-за внешности.

Арсений был канонически красивым: высоким, широкоплечим блондином. Даже очки с толстыми линзами, уменьшающими глаза, не столько портили его внешность, сколько делали узнаваемым. Иннокентий был крупным, по-женски толстым, с грушевидной головой и всегда отекившим лицом.

Ученики не вступались за Арсения, потому что не любили за высокомерие — он ходил, гордо подняв голову, злился, когда его отвлекали от занятий, и называл всех тупыми.

Как-то раз, Арсений сидел за партой и решал задачу по математике. Преподаватель вышел, и ученики остались одни. Капля чернил прилетела сзади и упала на парту. Она быстро впитывалась в толстую краску, покрытую множеством царапин.

Арсений посмотрел назад.

— Чего смотришь, красавчик!? — Иннокентий нагло улыбался.

Арсений повернулся обратно и тут что-то капнуло сзади на его чистую белую рубашку. Он провел пальцами по спине. Они окрасились в фиолетовый цвет.

Несколько человек коротко хихикнули.

Арсений покраснел и засопел. Он представил большой чан дерьма, в котором плавал его обидчик и которое перемешивалось лопастями с помощью электрического двигателя. Иннокентий вопил, захлебывался и тонул. На поверхности коричневой жижи появлялись блестящие пузыри. Какая мощность нужна двигателю такого устройства? Киловатт, два, три? Если поставить редуктор, хватит и киловатта.

Через месяц, выйдя вечером из школы, Арсений проходил мимо компании. В ее центре стоял Иннокентий и вертел в руках пистолет.

— А что, если в человека? — спросил кто-то.

Арсений ускорил шаг. Прозвучал глухой выстрел. Он почувствовал удар, резкую боль в левой лопатке и услышал сдавленный смех Иннокентия.

— Убили, — подумал Арсений в ужасе и упал. Придя в себя, он понял, что жив и что в лопатке очень болит.

Через полчаса в травматологическом пункте низкорослая медсестра лет сорока вытащила у него из-под кожи свинцовый шарик от пневматического оружия.

— Бандитская пуля, — весело сообщила она, но Арсений не разделил ее веселья.

На следующее утро, он начал беспокоиться о том, что свинец отравил его кровь, ведь это ядовитый металл. Он позвонил соседу Мите и попросил узнать у матери-медика об отравлении свинцом, попавшим в тело.

Сосед перезвонил и сказал, что если металл достать, то бояться нечего. Арсений успокоился, но не до конца — вдруг там осталась крохотная, незаметная часть, которая будет понемногу укорачивать его жизнь.

К вечеру у него накопилось половое желание, и он решил заняться онанизмом. Арсений убедился, что мать в своей комнате и прикрыл ее дверь.

Он вернулся к себе, достал из-под дивана порнографический журнал и начал рассматривать женщин — крупных и маленьких, с широкой талией или средней, или с тонкой, которую,

кажется, легко переломить. С увесистой грудью, немного оттянутой вниз, или с небольшой, плотной. С темными, светлыми или даже светлее кожи, как на негативных снимках, сосками. Женщины смотрели кокетливо или томно, или открыто, как героини советских фильмов. Они улыбались, как будто такие съемки были для них радостным событием. Глядя на полную брюнетку с округлыми плечами, абсолютно голую, но в косынке, и от этого напоминающую доярку, Арсений достаточно возбудился, спустил штаны, трусы и начал привычные движения левой рукой.

Его мужской орган был значительно меньше, чем у других.

Он узнал об этом недавно, когда ходил в лес с тремя сверстниками. Там он мочился.

— Какой маленький, — заметил сверстник, показывая пальцем ему в пах.

— Нет, самый обычный, — возразил Арсений.

Тогда все спустили штаны и показали ему, что это не так.

Онанизм Арсения был коротким. Через одну-две минуты внизу живота становилось очень хорошо, происходило какое-то внутреннее движение и выделялась сперма, иногда густая, иногда пожиже и со звуком похожим на «Ц». Он собирал ее в специальную пластиковую баночку и промывал ее.

Закончив воображаемое соитие с голой дояркой, Арсений помыл баночку.

Он решил почитать что-то из материной библиотеки и взял с полки книгу в зеленой бумажной обложке.

— Искусственные существа, — прошептал он название главы. — Голем. Он изготавливается из глины, а потом оживляется специальным амулетом, который помещается ему в рот, голем глуп и может выполнять несложную физическую работу.

Арсений пролистнул дальше.

— Гомункулус. Мы, богобоязненные люди, желаем возвращения человека в состояние безгрешного, первоначального Адама. Гомункулус является таким человеком, а точнее, человеком. Он рождается в колбе и не имеет родителей, а значит, не наследует первородного греха.

Между шестнадцатой и семнадцатой страницами, где описывались духи элементов, лежал высохший, сплюснутый клоп.

Арсений подумал, что этому клопу больше лет, чем ему и даже его матери, которая, наверное, купила книгу вместе с насекомым. В кишечнике начало давить.

Арсений пошел с книгой в туалет, скинул клопа в унитаз, потом опустил сидение, сел и продолжил читать, одновременно освобождаясь от содержимого. Оно выходило легко и почти не пахло. Он не любил, когда дерьмо сильно пахнет. Ему вообще не нравилось, что внешне гладкий, чистый человек содержит внутри большое количество кашеобразной мерзости.

— Что бы ты потребовал у джинна, если бы нашел лампу? — полюбопытствовал когда-то сосед Митя.

— Жить вечно.

— А еще два желания...

— Быть сильным, сильнее всех.

— А третье?

— Никогда не какать, — ответил Арсений, подумав.

Митя начал смеяться, но виновато остановил себя и тоже задумался.

Далее в книге шло описание нерукотворных существ, обитающих за пределами нашего мира.

Домовой — это небольшое, по размеру, существо, которое следит за порядком в доме. Он дружелюбен, но иногда шалит. Если домовой почувствует себя в безопасности, то может стать видимым, приняв облик человека или животного.

Арсений пролистнул несколько страниц.

— Почти живая вода, — прочитал он название главы.

— Возьми большую бочку и набери в нее чистой воды. Разведи под ней костер и выпаривай воду до тех пор, пока не останется с небольшую кружку. Потом снова залей емкость и снова выпари до небольшого объема. Повторяй так много раз, лучше до девяноста, но не меньше тридцати. Костер придется поддерживать долго, поэтому хорошо, если у тебя есть слуга или подмастерье, который будет выполнять эту операцию под твоим руководством.

В конце концов на дне бочки останется почти живая вода, имеющая целебные свойства для человека и полезная для употребления в алхимическом делании.

«Интересно, может ли эта «почти живая вода» продлить жизнь?» — подумал Арсений.

Он взял другую книгу, потолще, в жёлтом кожаном переплёте, и продолжил ее читать с того места, где в прошлый раз оставил закладку.

— Собаки совсем не лают на тех, кто имеет при себе хвост ласки, а язык хамелеона, если его носить за пазухой, усиливает красноречие и помогает при родах.

Он представил, как у ласки отрывают хвост и как уродливо она после этого выглядит, как хамелеон худеет и умирает от голода, потому что без языка не может себя прокормить, ведь сам он медленный, а быстрый у него только язык.

Некоторые утверждения в этой книге были правдоподобны, другие сомнительны.

Больше всего в материнских книгах Арсению нравились описания способов ритуального умерщвления людей, животных и разные операции над мертвецами. Читая это, он испытывал восторг и половое возбуждение.

Он пролистал дальше и попал в раздел с ядами.

— Яд, приготовленный из ягод ландыша, вызывает у человека рвоту, боль в животе, головную боль, помрачение рассудка и зловещие видения, а в конце при благоприятном исходе — смерть.

Арсений вспомнил Иннокентия и понял, что хочет убить его больше, чем Митю.

Он достал современную медицинскую энциклопедию, чтобы убедиться в эффективности средневекового рецепта. Современная книга обещала человеку, отравленному ландышем, примерно то же самое — головную боль, рези в животе, сужение зрачка, судороги, бред и смерть от остановки сердца.

Иннокентий заслуживал всего этого. Он должен помучиться и умереть, отдав ему часть непрожитых лет.

Но если мать права, то после убийства он станет немного Иннокентием — то есть немного тяжелее, уродливее, его мысли упростятся и замедлятся. Этого не хотелось, но желание убить его было сильнее.

Сейчас был март, до цветения ландышей оставалось два месяца, а до образования ягод — три.

Он взял за привычку здороваться с Иннокентием и показывал равнодушие к его оскорблениям. К моменту отравления они должны стать приятелями, чтобы его не заподозрили.

Как-то, проходя вечером по школьному двору, он увидел, как Иннокентий с другом из старшего класса издеваются над соседом Митей. Они отняли у него шапку и кидали друг другу. Арсений подошел, поймал шапку, протянул Мите, но потом поднял над головой. На лице Иннокентия и его друга появилась злорадная солидарность. Взъерошенный сосед прыгал, но не дотягивался. Арсений увидел недалеко открытый люк, прицелился и попал.

Иннокентий одобительно кивнул своей грушевидной головой и обратился к Мите.

— Давай, полезай за своей шапкой, а то мамка наругает.

Сосед осторожно подошел к люку и посмотрел вниз.

— Не ссы, спускайся, — добавил старшеклассник.

— Ничего не будет, давай, — поддержал их Арсений.

Сосед начал спускаться, а Иннокентий кивнул товарищу на чугунную крышку, которая лежала рядом. Когда Митя скрылся в люке, они подтащили ее к отверстию и с грохотом его закрыли.

— Непорядок, кто-то ведь может упасть, — объяснил Арсений усатому и грустному учителю географии, который проходил мимо и обратил внимание на звук.

Учитель хмыкнул в усы и зашагал дальше.

— Надо валить от сюда, — предложил Иннокентий, — а то вылезет и завопит.

— Нет, его надо успокоить, — возразил Арсений.

— Интересно, сможет ли он вообще вылезти, — засомневался старшекласник.

Послышался приглушенный голос, потом крышка люка приподнялась, но Иннокентий на нее наступил.

— Всё, хорош, а то нажалуется, — крикнул ему друг-старшекласник, и Иннокентий отошел от люка. Сосед снова поднял крышку, отодвинул ее и вылез. Из его кармана торчала шапка.

— Пошли. — Арсений повел соседа домой.

— Силач, поднял чугунный люк, — похвалил он Митю. — Мы с парнями хотели проверить, насколько ты сильный, так что не обижайся.

— Не обижаюсь, — сказал сосед, надувая губы.

— Не расскажешь взрослым?

— Не расскажу.

Арсений пришел на следующий день в школу и увидел тревожный взгляд Иннокентия.

— Не расскажет, — заверил он.

С этого дня Арсений стал гулять с Иннокентием, иногда к ним присоединялся его друг-старшекласник.

Несколько раз они предлагали Арсению выпить, но он отказывался, потому что хотел прожить как можно дольше и заботился о здоровье.

Однажды на безлюдье они встретили бездомного.

— Смотрите, чего сейчас будет, — весело произнес Иннокентий и толкнул его. Бездомный упал, и друг-старшекласник пнул его ногой, не дав подняться.

— Куда ты собрался, у тебя нет дома, — шутили над бездомным, который, бессвязно ругаясь, пытался встать. Его пинали, но не сильно, скорее в шутку. Арсений тоже пнул. В ноге появилось зудящее удовольствие, которое затем разлилось по телу.

Он пинал человека всё сильнее. Наслаждение насилием нарастало. Хотелось, чтобы оно длилось вечно, но его взяли под руки и оттащили.

— Ну ты психопат! — Старшекласник смотрел на него неодобрительно.

Несколько дней после этого Арсений был счастлив.

Наступил июль, и он начал искать ландыши: безуспешно обошёл несколько маленьких парков, а потом приехал в большой.

Пройдя по асфальтированной дороге вглубь, он свернул вправо на тропинку и, стараясь не задевать листья борщевика, вышел на просеку. Услышав над собой треск, он посмотрел вверх и увидел провода линии электропередачи. Углубившись в заросли осин и тополей, он набрел на болото и возле него, в тени деревьев, обнаружил поляну ландышей. Красные ягоды аппетитно блестели. Арсений вытащил из сумки большой бумажный стакан и за несколько минут его наполнил.

Дома, дождавшись, когда мать уйдет, он выжал из ягод сок с помощью соковыжималки, и у него получилось около пятидесяти миллилитров красноватой жидкости.

— Вот это настоящий яд, — прошептал он, вспоминая неудачное отравление собаки, потом влил жидкость в пузырек от лекарства, закрутил крышку и тщательно вымыл соковыжималку.

До самого сентября пару раз в неделю он произносил над пузырьком заклинание, считая, что таким образом накапливает его там.

Когда начался учебный год, он положил в свой портфель этот пузырек, пару перчаток и стал дожидаться подходящего случая.

Вскоре случай появился — Арсений остался в классе один. Стояли теплые дни бабьего лета, и ученики любили выйти на улицу, погреться и покурить на заднем дворе подальше от глаз преподавателей.

На стуле Иннокентия стоял его портфель, а в нем, пакет с едой и сладкой газировкой — он всегда брал его с собой.

Арсений выглянул из класса, рядом никого не было, где-то в коридоре слышались топот и крики играющих малолеток. Он надел перчатки, взял свой пузырек, подошел к столу Иннокентия открыл его портфель и вытащил бутылку газировки. Он немного отпил из нее, влил яд, вышел из класса, а потом вернулся назад с остальными учениками. Начался урок русского языка.

— Сегодня будем разбирать предложения с обособленными членами, — проговорила учительница, женщина лет тридцати с полными несоразмерно туловищу ногами. Она суетливо семенила между рядами, как будто стесняясь своих ног и не позволяя им делать широких смелых шагов.

В середине урока Арсений услышал шипение бутылки и громкое гулкое глотание. Он коротко обернулся и увидел, что Иннокентий пьет из своей бутылки. Арсений ждал.

На следующем уроке, тоже русском языке, не произошло ничего интересного, и Арсений начал расстраиваться, но тут сзади послышалось что-то вроде утиного криканья. Иннокентий издавал эти звуки и при этом вытягивал голову вперед.

— Что с тобой? — озаботилась учительница, но ученик, не ответив, продолжал крикать. Его глаза выпучились, и он, похоже, никого не замечал, поглощенный своей физиологической проблемой. Потом из его рта что-то выплеснулось.

— Он блеванул зеленым, — послышался комментарий. Все пристально наблюдали за Иннокентием. Учительница засеменила к нему, растерянно всплескивая руками, а потом со словами «надо вызывать скорую» выбежала из класса.

Изображая озабоченность, Арсений любовался страдающим одноклассником. Иннокентия еще несколько раз вырвало зеленым, он шумно свалился под парту, закрыл глаза и затих.

Ученики раздвинули парты и встали вокруг.

Послышались комментарии и предложения:

— Он умер.

— Поднесите к губам зеркало.

— Какой ужас!

— Пощупайте пульс.

— Вот зеркало, куда подносить?

— Посмотрите зрачки.

Арсений протиснулся между людьми и сел на парту Иннокентия.

Староста класса наклонилась над страдальцем и открыла ему правый глаз.

— Зрачок узкий.

Арсений помнил, что яд ландыша и должен делать зрачок таким.

Учительница, задыхаясь, вернулась, подбежала к лежащему ученику и пощупала пульс.

— Зрачок узкий, — доложила староста.

— Но пульс есть, — отметила учительница.

Арсений надеялся, что Иннокентий, несмотря на обморок, способен переживать мучения.

— Задрожал, — сказал кто-то.

Иннокентий подергивался.

— Последние судороги, — предположил хмурый парень Борис.

— Ну, где же эта скорая?! — умоляюще воскликнула учительница.

Арсений не понимал, какое ей дело до этого мерзкого Иннокентия. Наступил день, когда она может насладиться его страданиями, а потом он умрет, и ей не придется говорить, чтобы он перестал опаздывать, хамить, кидать бумажки и плевать в учеников. Вместо этого глупая курица переживает.

В класс вошли три медика в халатах: крупный детина с безучастным видом, заспанная женщина и молодой рыжеволосый парень, который начал с любопытством разглядывать класс.

— Давно он так? — спросил детина.

— Полчаса, — ответила староста.

Заспанная женщина открыла Иннокентию правый глаз, невесело хмыкнула и пощупала пульс.

— Носилки, — велел детина. Его коллеги вышли, принесли носилки и, ворча, переложили на них толстого, неудобного пациента.

Он замычал, поднял руку, как будто хотел ответить на вопрос, но потом безвольно свесил ее с края носилок. Молодой рыжий медик положил ее на грудь больному, сверху другую, и его вынесли из класса. Медик-детина при этом задел косяк плечом, и вниз посыпалась штукатурка.

Арсений почувствовал нарастающую радость и желание активности. Он гулял до вечера и чуть слышно разговаривал с воображаемой матерью одноклассника на его похоронах.

— У вас сын был плохим человеком, его никто не любил, и он умер как собака. Не надо было давать ему содовую, она плохо действует на здоровье...

На следующий день в школу прибыла комиссия. Незнакомые строгие люди заходили во временно не работающую столовую. Учительница русского языка рассказала, что Иннокентий чем-то отравился, но выжил, выписан из больницы и скоро вернется в школу. Также она предостерегла учеников от употребления несвежих продуктов.

Арсений решил навестить Иннокентия. Тот лежал бледный и, когда закрывал глаза, казался мертвым. Родители — на удивление маленькие люди — суежились около него, поднося бульоны и таблетки. На серванте стояла фотография пожилой женщины в коричневом сарафане. Это была бабушка Иннокентия, по рассказам родителей, огромная, сильная и жестокая женщина, в которую, судя по всему, и пошел внук.

Арсению не нравилось, что одноклассник выжил, но он успокоил себя тем, что не усвоил часть этого мерзкого человека, и тем, что тот все-таки страдал.

Через два дня столовая открылась, а через две недели вернулся Иннокентий. Он стал тих и никого не задирал. Вскоре наступило лето, а в следующем — десятом — классе Иннокентия уже не было, потому что он поступил в пищевой колледж. Ученики и даже учителя шутили, что теперь он не похудеет никогда.

3.

Арсений заканчивал школу в тысяча девятьсот девяносто четвертом году. В это время Москва превращалась в большую стройку. Со всей России и соседних стран сюда стекались профессиональные и начинающие строители — молдаване, украинцы, а потом всё больше — люди из Средней Азии.

Мать предложила пойти учиться в строительный вуз. Арсений согласился. Он упорно занялся подготовкой к выпускным и вступительным экзаменам. Утомительные занятия отвлекали, и Арсений реже вспоминал о смерти.

Он успешно сдал экзамены и поступил.

Самым популярным преподавателем на его курсе был Мирче — пожилой молдаванин с длинными, тонкими, узловатыми пальцами, похожими на ветви деревьев, и щетинистыми усами-подковой на худом скуластом лице. Он преподавал химию.

— Что такое электрон? — спросил он студентов на одной из пар.

— Это частица и волна.

— И что это значит?

Студенты молчали.

— Не знаете?

— Нет, — признались студенты.

— Это потому, что вы тупые, -- сказал весело Мирче.

-- А вы знаете? -- спросила обиженно шепелявая студентка Алена.

-- Нет, я тоже тупой, -- ответил преподаватель и рассмеялся.

-- Он в молодости был панком, -- сказал Арсению сосед по парте -- Костин.

-- Странно что его не увольняют, -- удивился Арсений.

-- Ты что, он светило, гений, хоть и сумасшедший. — Иногда стоит рядом со стеной и пилится в нее, потом что-то понимает и резко бежит делать научные записи. У него несколько открытий по химии.

— Смотри, сейчас будет смешно... А правда, что молдаване лучше всех? — спросил Костин у преподавателя.

— Конечно, лучше всех, мы веселые и трудолюбивые, — уверенно ответил Мирче.

Аудитория засмеялась.

— Я тоже веселый и трудолюбивый, — сказал Костин, — но Алла не хочет со мной встречаться.

Все посмотрели на Аллу, крупную веселую студентку с широким, приплюснутым носом. Она любила выпить, громко посмеяться в ответ на простые, пошлые шутки и казалась распущенной, но при этом хранила верность парню, ждавшему ее в далекой провинции. Костин пытался за ней ухаживать, но она отвечала отказом, а когда он потрогал ее за ягодицу, ударила по голове своей широкой ладонью. Костин рассказывал, что в тот момент увидел вспышку света и испытал непонятное, короткое блаженство.

— А почему ты хочешь встречаться именно с Аллой? — спросил Мирче.

— Он ее любит, — сказал кто-то.

— Любит, — повторил Мирче и усмехнулся.

— Есть три вещи, которые мы ценим больше всего. Любовь, красота и жизнь. И из-за этого нам плохо.

Аудитория затихла, а потом загудела неуверенностью.

— Но почему? — спросила худая шепелявая студентка Алёна.

Мирче не ответил, потому что зазвенел звонок.

— Говорят, он иногда заводит студентов в туалет и показывает им какой-то фокус, — рассказывал Костин по пути в столовую.

— Какой?

— Что-то выливает в унитаз, а дальше не знаю. Станный, как все гении.

Студенты не любили Арсения за высокомерие и трезвый образ жизни, но он сдружился с Мирче, которому стал интересен.

Мирче любил кураж и черный юмор.

— Глисты нынче подорожали, — сетовал он, входя в столовую и показывая на макароны.

Студенту он мог сказать, что тот не увидит следующей весны, потому что умрет раньше, и называл причину смерти. Например, осложнение от гриппа, стая голодных собак на окраине города, тонкий лед на пруду. Он артистично, в красках, описывал детали смерти студента и собирал вокруг себя публику. Арсению это не нравилось, потому что заставляло его вспоми-

нать о смерти и потому что преподаватель сдавал назад: когда студент начинал переживать, тот объяснял, что это шутка и что он умрет еще нескоро. Шепелявая студентка Алёна, которой тот как-то напророчил смерть от рака, а потом успокоил, обняла его и расплакалась слезами радости.

Арсений общался с Мирче внеурочно. Преподаватель говорил, что он похож на злодея, при нужном освещении даже на маньяка, а такие люди ему нравятся. Мирче с удовольствием разъяснял ему учебные вопросы и считал, что он студент, подающий надежды.

Иногда преподаватель начинал рассуждать на философские темы, но Арсению это было неинтересно, он делал скучающий вид, и Мирче переключался на науку.

4.

В середине четвертого курса на уроке биологии речь зашла о Мирче.

Преподавательница биологии высказывала свое восхищение им.

-- Арсений с ним дружит, -- сказал Костин.

Преподавательница биологии посмотрела на Арсения и несколько секунд задумчиво им любовалась.

Ей было тридцать девять лет, она имела тонкую розовую кожу с веснушками. В этом была болезненная хрупкость и незащищенность. Арсений где-то слышал, что женщины с тонкой кожей больше других любят телесную ласку, потому что такая кожа чувствительнее к прикосновениям. Она была доброй и не очень умной женщиной. Студенты смеялись над ее ошибочными высказываниями и движениями тела. Когда она вытирала доску правой рукой, то левой совершала похожие движения, словно исполняя танец.

В вузе считали, что она работает здесь только благодаря миролюбивому характеру и родственникам в руководстве.

После пар Арсений остался в аудитории и стал разглядывать препараты в банках с формалином, которые стояли в шкафах. Он задержал взгляд на одном из них.

— Это трехнедельный эмбрион собаки, — сказала преподавательница биологии, выйдя из лаборантской.

— А я думал — человеческий.

— Просто, эмбрионы млекопитающих похожи.

— Стекла грязные. — Арсений показал на стекло в дверце шкафа.

— Надо помыть, — согласилась женщина, — но я не могу, у меня от воды сохнет кожа.

Потом потрескается и закровоточит.

— Наденьте перчатки.

— Нет, в них кожа запотеет, и получится то же самое.

— Я могу протереть, — предложил Арсений, и преподавательница улыбнулась. Ее верхняя губа во время улыбки сильно поднималась и некрасиво показывала десну. Она вынесла из лаборантской чистую белую хлопчатобумажную тряпку, сложенную вчетверо и уже мокрую.

— На кафедре никого нет, но я подожду, чтобы тебе не было скучно, — сказала она.

Арсений стал протирать стекла шкафов, продолжая разглядывать препараты: эмбрион кошки, похожий на эмбрион собаки, препарированный человеческий мозг, препарированную крысу с разрезанным брюхом и вынутыми для иллюстрации органами, жабу с плотно сомкнутыми челюстями, будто не желающую глотать формалин.

Преподавательница встала рядом. Арсений поймал ее взгляд, и она покраснела.

Он смотрел на ее глуповатое лицо с большими голубыми глазами, вокруг которых уже появились морщины, на светлые с сединой волосы, большую грудь.

Арсений ощутил твердость власти над этой женщиной, и ему это понравилось.

Он уверенно положил руку ей на плечо. Небольшой член увеличился в штанах. Она начала дышать неровно, как будто задыхаясь, а ее лицо млело. Арсений притянул ее рукой за

шее и, чуть коснувшись зубами о зубы, поцеловал. Женщина поддержала поцелуй и замерла. Почувствовав запах чебурека, который она, видимо, недавно ела, Арсений разорвал поцелуй.

— Пошли ко мне, — прошептала преподавательница чувственным низким голосом. Казалось, она имеет внутренний ковш, который опускается вниз туловища, зачерпывает страсть, поднимает ее вверх и выталкивает изо рта с помощью голоса.

Они договорились выйти из вуза отдельно, чтобы не вызывать ненужных разговоров, а потом встретиться у метро.

Арсений зашел в туалет и промыл рот. Запах чебурека исчез.

Когда он подошел к метро, преподавательница биологии уже была там. Она улыбнулась, некрасиво открыв верхнюю десну. Всю дорогу она поглядывала на него с нескрываемой собачьей радостью.

Старый гулкий лифт поднял их на четвертый этаж и качнулся на своем тросе. Преподавательница отперла дверь, и они вошли в квартиру.

Слева по коридору находился санузел, за ним кухня, а впереди и справа — комнаты.

Женщина провела гостя в комнату впереди.

Там стоял диван, и стол из искусственного мрамора. Стены были увешаны низкосортными картинами, вроде тех, что продаются возле рынков.

На одной из них восточный мужчина целовался с восточной женщиной на фоне тигра. На другой в банке стоял букет роз. Одна роза лежала отдельно, видимо, для усиления лирического настроения. На третьей две охотничьи собаки — одна тощая, а другая толстая — загоняли быка, убегающего в изумрудно-зеленую чащу леса.

На подоконнике стояли горшки с геранью, фиалками, фуксиями и лимонником, на полу один небольшой фикус, мандариновое дерево с маленькими плодами и неизвестное растение с тремя красными цветами. Арсений задержал взгляд на неизвестном растении.

— Это суданская роза, из нее делают напиток каркаде, — сказала преподавательница.

Она прошла на кухню, позвала за собою гостя и начала вытаскивать из холодильника продукты.

— Порежь пока это. — Она показала на батон хлеба, Голландский сыр, колбасу «Сервелат» и ушла в комнату.

Разрезая сыр, нож быстрее проходил через участки с полостями, а колбаса оказывала одинаковое сопротивление на всем пути лезвия.

Он положил хлеб, сыр и колбасу на тарелки, отнес их на черном эмалированном подносе в зал и поставил на стол из искусственного мрамора, на котором уже стояло клубничное шампанское, коньяк и абрикосовый компот. Женщина успела переодеться в оранжевое платье с воланами на рукавах.

Арсений сел на диван, взял бутылку шампанского и начал ее открывать, глядя на преподавательницу. Когда раздался хлопок, та вздрогнула и улыбнулась.

Она села справа, рядом с ним и иногда касалась его бедром и локтем. Ее грудь открывалась для обзора гораздо больше, чем на парах.

— Я алкоголь не пью, — сообщил Арсений и налил себе компот.

— А я пью, налей мне, пожалуйста, шампанского.

Оба взяли бокалы, чокнулись и выпили. Арсений положил на хлеб кусочек колбасы, сыр, выпил еще компота, откусил бутерброд и снова посмотрел на женщину. В ней была стареющая, но еще живая сила плоти, подобная соку перезревшего, но вполне съедобного фрукта. Эта сила словно сочилась из ее тонкой кожи, глаз, рта и возбуждала желание.

— Идем, — сказал Арсений и повел женщину в другую комнату.

Салатовые шторы были задернуты. На двуспальной кровати, застеленной розовым шелком, посередине лежала большая белая подушка. У стены справа стоял платяной шкаф.

Женщина достала из шкафа презервативы.

Арсений обошел ее сзади и обнял.

— Лаванда? — Он понюхал ее волосы.

— Лаванда, — томно произнесла она и повернулась к нему. — Я тебя давно хотела, еще, когда ты был на третьем курсе.

Арсений оттянул ее оранжевое платье и начал стягивать его вверх. Женщина помогла ему, а потом сама сняла ажурный белый бюстгальтер. Несмотря на возраст, грудь не обвисла. На больших темных сосках росло несколько волосков. Преподавательница смотрела на него и доверчиво улыбалась.

Она расстегнула его брюки, спустила и встала на колени, глядя на трусы с бугорком. Затем стянула их и сразу поместила член в рот, словно стараясь побыстрее спрятать от глаз неприличный предмет.

Арсений упер руки в бока, как мужчины в порножурналах, и посмотрел вверх на ровный белый потолок. Потом он заметил между потолком и стеной трещины и испытал эстетический дискомфорт.

Опустив глаза, он увидел сосредоточенность преподавательницы и улыбнулся. Женщина улыбнулась в ответ, сделав Арсению неприятно зубами, и он кивнул в сторону кровати.

Преподавательница упала на нее животом, несколько раз качнувшись на перине.

Арсений снял штаны, разгладил по стрелкам, аккуратно повесил на стул и положил очки на шкаф.

Преподавательница стала для него пятном телесного цвета на розовом прямоугольнике простыни.

Он надел презерватив, стянул с женщины трусы, залез на нее и ткнул между ягодиц. Преподавательница направила его рукой, и, когда Арсений двинулся вперед, произнесла отрывистое «а». Она произносила этот звук в самом конце движения, словно внутри нее находилась кнопка, на которую нажимал Арсений и которая включала этот звук. Он мерно двигался, а преподавательница все громче произносила свое отрывистое «а».

— А! А! — произносила она самозабвенно. В груди у Арсения образовалось томление, которое переместилось вниз, и удовольствие начало его забирать. Он закончил, лег на спину и понял, что настоящий секс у него тоже короткий.

Он молча ушел в ванную, включил кран и смывая сперму с полового члена, посмотрел на него с осуждением, как на плохого работника.

— Хочется спать, — сказал он, вернувшись в комнату, и залез под одеяло.

Преподавательница положила голову ему на грудь. Ее глаза вместе с глазницами выглядели большими темными пятнами. Наверное, теперь она смотрит на него без подобострастия и даже снисходительно, но это было не настолько важно, чтобы надевать очки и проверять.

Они встречались примерно раз в неделю. Он начинал пальцами, а потом происходил основной акт, который длился несколько минут. Женщина оставалась довольна, но не до конца.

Как-то раз она засекала время их совокупления. Арсений закончил за сорок шесть секунд. С тех пор она иногда называла его «Арсений-сорок шесть». Он злился, но не подавал вида.

Однажды во время интимной близости Арсений начал бить преподавательницу по туловищу и щекам. Ей это понравилось, но от насилия он возбудился больше и сразу закончил.

Через несколько дней он слегка ударил ее во время разговора, потом ударил сильнее. Она посмотрела на него жалобно и обреченно. С тех пор Арсений бил преподавательницу примерно раз в месяц. Это стало чем-то вроде ритуала и не было связано с ссорами или непониманием. Он неожиданно шлепал ее ладонью по щеке или другому месту на теле, она вздрагивала и замирала. Он бил кулаком, потом еще и еще, никак это не комментируя. Оба понимали, что желание насилия было для него голодом, а утоление голода комментировать не обязательно. Когда Арсений слишком увлекался, женщина начинала кричать, и он нехотя останавливался.

5.

Как-то раз Арсений увидел в лаборантской Мирче, который держал в руке пробирку с прозрачной жидкостью, закрытую черной резиновой пробкой.

— Идем. — Преподаватель вышел с пробиркой в коридор, и Арсений пошел следом.

В коридоре на подоконнике сидели два студента старших курсов.

— Идемте, — предложил им преподаватель, и они, переглянувшись, пошли.

Навстречу шагал Костин. Он увязался за ними.

Пять человек зашли в мужской туалет. Там было три кабинки. Мирче открыл правую. На ее стенах находилось множество надписей и рисунков. На одном из них была изображена лежащая на спине толстая женщина с густо заросшим лобком и раскинутыми ногами.

Арсений посмотрел на этот рисунок, а потом на чугунную канализационную трубу с большим коричневым подтеком. Он разделялся книзу и напоминал вилы с двумя зубьями, где правый был гораздо длиннее.

— Смотрите, — Мирче указал на унитаз.

Он дернул за смывную цепочку. Из бачка устремилась вода, закручиваясь против часовой стрелки. Он вытащил из кармана пробирку, откупорил и быстро вылил содержимое в унитаз. Студенты переглянулись. Арсений подумал, что преподаватель действительно психически болен.

— Смотрите, смотрите! — повторял Мирче.

Студенты смотрели вглубь унитаза. Вдруг, там что-то зашипело, как в закипающем чайнике. На поверхности появились пузырьки.

— Смотрите! — заходился Мирче.

Из унитаза с шипением поднялся серый туман, медленно закрутился против часовой стрелки и стал похож на маленький вихрь.

Он темнел и удлинялся. Арсений почувствовал страх и слабость, всё стало темнее, он попятился назад и оперся спиной о стену.

— Бледный, — услышал он как бы издалека.

Кто-то бил его по щекам. Он открыл глаза и понял, что неуклюже сидит на полу. Над ним стоял Мирче.

Арсений с тревогой посмотрел в правую кабинку. Серый вихрь исчез.

— Наверно, жидкость из пробирки выделила какой-то газ, — объяснял Костин когда они вышли.

— Может быть, может быть, — тихо бубнил Арсений. Только что он оказался как будто рядом с чужим миром, далеким от его мира, как смерть от жизни.

Во время очередной беседы с Мирче Арсений спросил о произошедшем в туалете.

— Это был гениул ал вартэжулуй, если по-молдавски, а по-русски — гений водоворота, — сказал тот. — Гении — это невидимые духи, на востоке их называют джинами. Они привязаны к месту, например, домовый — гений дома, леший — гений леса, ну, а в водовороте живет гений водоворота.

Его можно вызвать с помощью почти живой воды. Она имеет много жизненной силы и позволяет делать необычные вещи.

— Она может продлит жизнь? — спросил Арсений, которому невидимые духи были малоинтересны.

— Не думаю, — ответил преподаватель.

С этого дня Арсений предпочитал другие туалеты в здании, а в разговорах с Мирче к этой теме не возвращался, потому что она вызывала у него тревогу и даже панику.

6.

Через год интимного общения с преподавательницей биологии, Арсений понял, что она встречается с ним всё менее охотно. Он же, наоборот, привязался к ней.

Соскучившись в очередной раз, он набрал ее номер.

— Приезжай, — согласилась женщина после короткого разговора.

В тот день она готовила отбивные и отварной картофель. Из-под молотка летели брызги мясного сока, и Арсений сел подальше.

Преподавательница положила отбивные на сковороду, и они затрещали в разогретом масле. Через полчаса на столе стояли широкая тарелка с отбивными и кастрюля с вареным картофелем, выделяющим пар.

Преподавательница молча ела, разрезая мясо ножом, потом насыпала заварку в глиняный чайник с отбитым носиком.

— Индийский? — поинтересовался Арсений, чтобы происходило какое-то общение.

— Китайский, — ответила преподавательница ленивым, расслабленным ртом.

Она закончила есть и смотрела в окно, поднимая и опуская взгляд, видимо, провожая хлопья снега, который шел за окном.

Арсений доел и тоже посмотрел в окно.

— Идем, — сказала женщина и повела его в спальню.

Большая белая подушка, как обычно, лежала посредине розовой шелковой простыни, салатные шторы были задернуты.

Женщина подошла к Арсению, обняла и, наклоня голову вправо и влево, как будто что-то изучая, целовала. Потом она сняла халат и села на кровать. Нижнего белья на ней не было.

Арсений тоже разделся и лег рядом. Он, как обычно, воткнул в нее пальцы и двигал ими. Она начала дышать чаще, а ее лицо сосредоточилось на чём-то внутреннем. Арсений ждал страстные отрывистые «А», но женщина молчала. Потом она раздвинула ноги, и Арсений лег сверху.

— Ай, подожди, сухо, — она, с недовольством наслюнив пальцы, увлажнила себя.

Арсений принялся за дело и понял, что преподавательница мало участвует в процессе. Она посмотрела на стену, а потом встала на четвереньки. Он продолжил, а женщина помогала себе рукой.

Через пару минут Арсений закончил.

Вернувшись из ванной, он лег на спину и начал засыпать.

Преподавательница тоже лежала на спине, безучастно глядя в потолок.

— Давай снова, — предложил Арсений утром.

Женщина отрицательно покачала головой.

— Давай! — потребовал Арсений и навалился на нее.

— Нет, — отказала она сдавленным от напряжения голосом, и Арсений заткнул ей рот рукой. Половой член налился кровью и уперся ей в живот.

Арсений смотрел на красное лицо, на слезы преподавательницы, которая мычала в его ладонь и силилась освободиться. Вдруг она открыла рот и вцепилась зубами в его палец. Он вскипел гневом и наотмашь ударил ее по щеке. Женщина замерла. В паху начало пульсировать, и это отдавалось в груди. Стало хорошо. Арсений снова замахнулся, но стало слишком хорошо. Он упал на преподавательницу и застонал. Женщина засмеялась.

— Сорок шесть, сорок шесть, — запричитала она сквозь смех и слезы.

Преподавательница отказалась от встреч, и Арсений начал страдать. Тоска накатывала и отнимала силы. Он вспоминал места, где они бывали, ее улыбку, показывающую верхнюю десну и где-то в груди становилось физически больно. Он злился. У нее есть возможность избавить его от тоски, ей это ничего не стоит, но она не хочет. Он представлял, как запирает ее в подвале и лишает возможности отнимать у него радость.

7.

Закончились пять лет обучения.

Выпускной проходил в ресторане с внутренним двором.

Мирче был самым общительным. Он подходил ко всем, что-то говорил, смеялся и три раза похвалил Арсения его матери.

— Мой самый лучший студент, — сказал он в начале встречи.

— Очень интересный человек, — добавил он через час.

— Вот такой парень, — воскликнул он уже под утро, пьяный, качаясь на стуле, и сжал свои длинные пальцы в хрупкий изящный кулак.

По левой щеке матери скатилась слеза.

— Он с детства любил науку и, помню, в пятом классе или шестом собрал устройство для сжижения газа, — рассказывала она.

— В шестом, — уточнил Арсений.

— Да, шестом. Оно не работало, потому что было из пластиковых трубок и компрессора для аквариума, но принцип был верным. Я сама холодильник, мне было очень приятно.

Мать плакала уже двумя глазами и промокала слезы бумажной салфеткой. Там, где они впитывались, вафельный рисунок становился темнее и отчетливее.

— Однажды он решил узнать, — продолжила она, — есть ли температурная разница на севере и юге города. Мы сами живем на юге. Он снял балконный градусник и поехал на север на метро, а потом еще сколько-то остановок на трамвае.

— Температура там оказалась ниже на один градус, — закончил ее рассказ Арсений.

В течение выпускного он изредка поглядывал на преподавательницу биологии, и она, встретив его взгляд, безучастно отворачивалась. Когда он подошел к ней и пригласил на танец, она отказала.

— Кстати, — сказал Мирче под конец выпускного, — есть одна строительная фирма, там у меня друзья. Могут помочь устроить сына.

Растроганная мать благодарила преподавателя и обнималась с ним.

8.

В сентябре позвонил Мирче.

— Привет, помнишь, я говорил про строительную фирму. Там есть вакансия в инженерное подразделение. Можешь прийти к ним на собеседование завтра в двенадцать.

— Спасибо, приду, — сказал Арсений.

Они обменялись малозначительными новостями из своей жизни и попрощались.

На следующее утро Арсений сидел на кухне. Он посмотрел на настенные часы. Было десять, до собеседования оставалось два часа.

Он поставил на плиту кастрюлю с ухой, которую вчера сварила мать. Разварившийся кусок рыбы с торчащими белыми костями некрасиво плавал на поверхности.

«Мертвая рыба всплывает, — подумал Арсений, — поэтому кусок рыбы тоже всплыл. Но почему не всплывает картофель? Возможно, он не умирает при варке, а в каком-то смысле остается живым. И ведь правда, картофель в земле мало отличается от картофеля в супе. Лежит и не шевелится, а рыба изгибается туловищем, открывает рот, смотрит выпуклыми глазами, а когда ее варят, безвольно плавает на поверхности. Ее тело становится мягким, распадается, глаза белеют». Арсений налил суп в тарелку, отрезал горбушку батона и сел есть.

— Умри, — он раздавил кусок картофеля ложкой, зачерпнул и отправил в рот.

Стоял жаркий и очень влажный день. Казалось, что глазу не хватает совсем немного остроты, чтобы увидеть водяную взвесь. Он шел по аллее между акациями на троллейбусную остановку.

Коричневые ленты стручков блестели на солнце.

В детстве он попробовал есть семена этого дерева. Гладкие, маслянистые, желто-зеленые, они казались вкусными и полезными, было обидно, что они пропадают зря. Он разломил волокнистый стручок, взял несколько семян, положил в рот и начал жевать. Через несколько секунд он понял, что сделал это напрасно, горечь начала овладевать им, и осталось только ждать, когда она рассосется. Вспоминая об этом, он обычно кривил рот.

Доехав до нужной остановки, он прикинул, куда ему идти, и через несколько минут был у здания строительной фирмы — двухэтажного дома начала двадцатого века. На веранде второго этажа, к нему спиной, стояли и курили два человека — худой мужчина в клетчатом костюме и длинноволосая женщина с великолепной тонкой фигурой. Мужчина что-то нервно и важно объяснял женщине, а она молча слушала, и Арсений подумал, что это начальник с подчиненной.

Он открыл тяжелую деревянную дверь, вошел внутрь и оказался в высоком холле с мраморными темно-красными колоннами. Слева за высокой деревянной стойкой сидела брюнетка лет двадцати, с капризными волнистыми губами и римским носом с горбинкой.

На ее руках и шее были видны синие вены, толстые и тонкие, похожие на прожилки в мраморе.

Арсений оценил ее как анатомически красивую, но это впечатление портили слипшиеся грязные волосы и мятая блузка с пятнами пота в подмышках.

«Ильяна Чербул» — прочитал он надпись на ее бейджике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.